

Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования

С. Н. Ениколопов, А. А. Мкртчян

Существующие работы по психологии терроризма как отечественных, так и зарубежных ученых направлены, в основном, на изучение типологии терроризма, мотивов и особенностей личности террористов. При этом недостаточно исследованными остаются вопросы, связанные с психологическими последствиями терроризма, а также ролью средств массовой информации (СМИ) в процессе их формирования. Очевидно, что основной целью терроризма являются не физические, а более масштабные и долгосрочные социальные и психологические последствия. При этом следует уточнить, что именно СМИ во многом определяют характер (позитивный или негативный) данных последствий и степень их проявления.

Естественно, что последствия позитивного характера, такие, как патриотизм или взаимовыручка вследствие групповой сплоченности, также весьма вероятны, но встречаются они реже и проявляются не столь ярко, как негативные. Поскольку терроризм имеет патогенный, разрушительный характер, губительный как для отдельного человека, так и для общества в целом, стоит обратиться к изучению его отрицательных последствий, их динамики, а также изучить факторы,

способствующие их развитию или редуцированию.

Последствия представляют собой основание для формирования в обществе определенного отношения к террористам, в том числе и положительного. Оно может проявляться не только в пассивном одобрении или сочувствии, но и в осознанном желании индивида, группы присоединиться к уже существующей террористической организации или перенять ее опыт для достижения собственных целей, в том числе противозаконного и антисоциального характера. Кроме того, психологические последствия — это информационная база для людей, обладающих диспозицией для совершения насильственных действий, в том числе и террористических актов, но не проявлявших свою активность по причине дефицита информации о себе подобных [13, 14].

Таким образом, основной целью современного терроризма является демобилизация общества, его раскол, формирование атмосферы страха, неуверенности и уязвимости. Несмотря на то, что террористические акты происходят значительно реже, нежели крупные авиакатастрофы, аварии на угольных шахтах или автодорогах, степень субъективного восприятия рис-



Ениколопов Сергей Николаевич
Руководитель Отдела
медицинской психологии
Научного центра психического здоровья
Российской академии медицинских наук
(НЦПЗ РАМН),
зав. кафедрой криминальной
психологии факультета юридической
психологии Московского городского
психолого-педагогического университета.



Мкртчян Арег Артаваздович
научный сотрудник
Центра социологии образования
Российской академии образования.

ка, вероятность стать следующей жертвой террористического акта у обывателя чрезвычайно высока, особенно в первое время после преступления.

В основе подобной реакции страха и уверенности в повторении террористического акта лежит его специфичность и отличие от других преступлений и катастроф. Среди них: целенаправленность, разрушительные последствия; эмоционально окрашенный и запоминающийся, в т. ч. и благодаря СМИ, характер происшествия; его непредсказуемость, неизвестность причин и невозможность контроля и избегания. Сцены с места совершения террористических актов надолго и прочно запечатлеваются в памяти обывателя [12]. Отличительной чертой терроризма является стремление запугать большое количество людей, неясность мотивов террористов (для населения), анонимность и отсутствие конкретных целей (*targets*) нападения [18]. При террористическом акте физические жертвы являются побочной целью, средством для распространения страха смерти на широкие аудитории через СМИ. Основная его цель — активация и стимулирование страха смерти у обывателей. При этом интенсивность и степень страха, как правило, неадекватна степени реальной угрозы теракта, значительно превосходя ее. Немаловажными факторами такой диспропорции являются неопределенность и непредсказуемость дальнейших действий террористов, беспомощность властей, которые воспринимаются населением через СМИ.

Говоря о негативных последствиях данного вида преступлений, напрямую связанных с деятельностью СМИ, особо следует отметить процесс **легитимизации агрессии** среди населения. Под легитимизацией агрессии понимается процесс обоснования приемлемости и оправданности различных форм агрессии путем приписывания им легитимного статуса. Иллюстрацией могут служить агрессивные и насильственные действия солдата на войне, которым он приписывает легитимный статус согласно профессиональным нормам («я исполняю приказ») и гражданскому долгу («я защищаю родину»). Агрессия наделена легитимным статусом в различных общественных сферах: в спорте (действия боксера на ринге); в СМИ

(трансляция насилия); в политической сфере (использование вооруженных сил, закон о смертной казни); в сфере традиций и т. д.

которым прибегают террористы, сотрудники силовых ведомств и обыватели в процессе легитимизации насилия [4, 5].

Терроризм имеет патогенный, разрушительный характер, губительный как для отдельного человека, так и для общества в целом, стоит обратиться к изучению его отрицательных последствий, их динамики, а также изучить факторы, способствующие их развитию или редуцированию.

Поэтому наблюдение сцен насилия в СМИ, в том числе и террористических актов, способно приводить к изменению установок обывателя на агрессию и проявление насилия в реальной жизни. Частая демонстрация насилия приводит не только к снижению чувствительности к нему, обыватель привыкает к насилию, воспринимает его спокойно, без осуждения и, что самое опасное, допускает возможность его использования для достижения собственных целей. Трансляция насилия, а тем более — его эффективности приводит к тому, что оно начинает восприниматься как оправданное, справедливое и полезное средство. Человек начинает имитировать увиденную модель поведения, которая обладает для него более ценными качествами и приемлемыми способами функционирования. С явлением легитимизации насилия связан и процесс изменения в моральной сфере человека, принятие им насилия как способа достижения своих целей. С помощью различных приемов человек способен редуцировать возникшее самоосуждение и преодолеть моральные барьеры, препятствующие совершению насильственных действий. Эффективное, результативное применение способов самооправдания способствует стремлению снова и снова использовать насилие в своих целях, его закреплению в поведении.

Группа психологов во главе с А. Бандурой с помощью ряда исследований, проведенных среди сотрудников исполнительных учреждений (*«execution team»* — группы, исполняющей смертные приговоры), сформулировали основные способы самооправдания, к

1. Моральное самооправдание.

При совершении противоправных поступков или насильственных действий, санкционированных государством, человек начинает трактовать свое поведение как необходимое для нации или совершаемое в защиту религии или идеологии группы, к которой он принадлежит. Частым случаем является ссылка на Библию или другие религиозные и идеологические трактаты. Это способствует «перевоспитанию» преступника в «борца за...» или добропорядочного гражданина в бойца. Происходит изменение не на личностном уровне (уровне агрессивности и т. д.), а внутрений пересмотр взглядов на насилие, в частности, на убийство, что делает вполне возможным и оправданным его совершение. При этом способ морального самооправдания функционирует эффективней, если совершаемое насилие скрывается за пространными, расплывчатыми формулировками или создается намеренный дефицит информации о последствиях. В случае с санкционированными государством действиями, к факторам, повышающим эффективность данного способа, относят и наделение субъекта насильственных действий официальными полномочиями, желательным в составе некоторой группы.

2. Утилитарное (экономическое и юридическое) самооправдание.

Данный способ также относится к насильственным действиям, которые санкционированы государством. В частности, смертная казнь или диверсионные акции. В первом случае речь идет об экономически невыгодном пожизненном заключении смертни-

ков и их потенциальной опасности даже за стенами тюрем, во втором — о превентивных акциях, устраняющих потенциальную угрозу национальной безопасности.

3. Сравнение своих действий с другими, более жестокими — «выгодное сравнение».

Для самооправдания при совершении насильственных действий человек прибегает к сравнению своих поступков с другими. Но при этом в качестве эталона для сравнения намеренно выбираются более жестокие поступки. Подобным образом человек реабилитирует себя, создает впечатление «нужности» и благожелательности совершенного поступка. Создание образа социальной желательности поступка происходит путем приписывания ему моральной и социальной ценности. В частности, террористы сравнивают собственные акции с силовыми акциями со стороны государства и наоборот. В результате сравнения возникают оправдания типа: «преступники понимают только язык силы...» или «одна жесткая и жестокая силовая акция предотвратит сотни преступлений в будущем...», «нас меньше, поэтому нас игнорируют, и единственный способ быть услышанными — террор...».

Массовый страх не просто ослепляет общество и делает его уязвимым. Он является причиной раздоров, в том числе и на религиозной и национальной почве. Людей пугает не столько сама возможность террористического акта, сколько непредсказуемость и неизвестность места и времени его совершения, анонимность преступников.

Но борьба с террористами их же методами может привести к противоречивым последствиям. С одной стороны, прибегая к тому же сравнению, государство отвечает насилием на насилие: осуществляются карательные операции, не ведутся переговоры с террористами и т. д. Делается это с целью предотвращения терактов в будущем. Но подобная политика не всегда себя оправдывает. В частности, в ситуации с захватом заложников силовые методы решения могут «сыграть»

отрицательную роль, поскольку риску подвергаются не только террористы, но и заложники. В этом случае общество может неоднозначно отреагировать на действия властей.

Государство может рассматриваться в невыгодном свете, а именно как жесткий и жестокий институт власти, который не заботится о гражданах, а слепо следует своим принципам. Возникает образ тирана и деспота, который, в свою очередь, чрезвычайно выгоден террористам и подтверждает их апелляцию к жестокости государства, к которой они прибегают при сравнении. Это может способствовать поддержке террористов со стороны общества, принятию их идеологии, методов борьбы и, в конечном счете, желанию вступить в ряды террористической организации. Таким образом, силовые акции ведут к устранению конкретного террористического акта, но могут способствовать эскалации активности терроризма в будущем, как ответной реакции со стороны определенных слоев общества. К таким же отрицательным последствиям могут привести и контртеррористические меры, связанные с ущемлением гражданских свобод населения (правда, этот вариант возможен лишь в странах с демократическим строем, где люди, в отли-

полнителя, но не организатора, ссылаясь на закон, субординацию, приказ лидера группы и т. д. Тем самым он редуцирует процесс самоосуждения и оправдывает свой моральный выбор. К промежуточным механизмам данного способа самооправдания можно отнести и намеренное игнорирование информации относительно жертв или последствий, что также помогает человеку воспринимать себя как подневольного исполнителя. Смещение ответственности с конкретного исполнителя достигается и путем расщепления группы на мелкие части и распределения множества мелких обязанностей среди ее членов. Таким образом, каждое отдельное действие, например, покупка машины, аренда жилья для совершения террористического акта или затягивание ремней на запястьях смертника не трактуется и не воспринимается как ключевое в целом процессе совершения преступления или казни [5].

5. Диффузия ответственности.

Диффузия ответственности достигается тремя способами:

- разделение обязанностей между членами группы. Это способствует тому, что человек концентрируется не на моральных аспектах деяния, а на технических;
- дробление процесса на множество мелких частей, где каждый отдельный этап видится исполнителю безвредным и обыденным;
- групповое принятие решения, где анонимность и раздробленность способствует минимизации ответственности и самоосуждения отдельного члена группы.

В качестве примера в данном случае можно привести ответ сотрудника группы исполнения смертных приговоров (в рамках исследования А. Бандуры) [4] на вопрос о самоосуждении и стрессах в связи с работой. Член группы полностью отрицает их наличие, ссылаясь на то, что его действия не приводят к страданиям осужденного и выглядят вполне безобидно, в связи с чем он не испытывает никакого беспокойства по поводу работы (стоит уточнить, что в обязанности этого сотрудника входила посадка осужденного в кресло и фиксация рук ремнями).

6. Дегуманизация жертвы и атрибуция вины.

Дегуманизация жертвы происходит путем искаженной оценки человечес-

чие от стран с тоталитарным режимом, не привыкли к подобной дискриминации своих прав и открыто об этом заявляют) [7].

4. Смещение ответственности.

Террорист, солдат или член команды, приводящей в исполнение смертный приговор, начинает объяснять свои действия, ссылаясь на внешние авторитеты, отрицая собственную активность в процессе совершения насильственного действия. Человек характеризует себя как пассивного ис-

ких качеств. Жертва перестает восприниматься как живой носитель чувств, идей, надежд и т. д. О ней говорят не как о личности, живом человеке, а как о неодушевленном объекте насилия. Если процесс обезличивания неэффективен, то жертве начинают приписывать различные низменные, отрицательные качества и фокусируются лишь на них, полностью игнорируют положительные качества и характеристики. В качестве атрибуций вины может выступать надуманная интерпретация поведения жертвы как агрессивного, атакующего, провоцирующего и т. д. Любое поведение, его внешние признаки начинают трактоваться агрессором как причина, по которой он в оборонительных целях совершил нападение. Таким образом, вся ответственность за поступок переводится на жертву.

7. Эвфемистический стиль повествования.

Часто о совершенном поступке судят в зависимости от того, как его преподнести, объяснить, описать и определить. То же самое относится и к насильственным действиям. Можно, например, говорить о преступлении в неопределенной форме, без уточнения исполнителей, средств исполнения преступления и последствий. Облагать насильственные действия в социально приемлемые формы и формулировки. Например, взрыв назвать «акцией протеста», расстрел приговоренного — «приведением в исполнение», объекты бомбардировок — «точками работы» и т. д.

8. Искажение и пренебрежение последствиями.

Агрессор старается не замечать последствий совершенных им действий, избегает их, игнорирует или искажает. Особенно эффективно данный способ работает в тех случаях, когда агрессор не имеет объективной возможности наблюдать страдания жертвы, когда последствия несут отсроченный характер. Человеку легче совершать преступления, когда он не видит результата своих действий. Демонстрация страданий жертвы может послужить преградой для повторного насилия. СМИ, особенно — телевидение, все чаще используются и государством и террористами для оправдания себя в глазах общества при проведении жестких силовых операций. ТВ рассматривается террористами как инструмент влияния на общественность: для

запугивания или, наоборот, обретения симпатий и поддержки; для создания образа решительных и стойких борцов за права меньшинства.

Регулярная демонстрация насилия по ТВ не только способствует десенситизации и легитимизации насилия в обществе, но и дает возможность аудитории, особенно молодежной, обучаться новым формам агрессивного поведения [6]. Что же касается демонстрации в СМИ террористических актов, то следует отметить, что к отсроченным психологическим последствиям в данном случае следует отнести и **посттравматическое стрессовое расстройство** (далее — ПТСР). Оно возникает через определенный период времени и длится в среднем около шести месяцев.

что эти люди не знакомы между собой.

Необходимо отметить, что ПТСР возникает не только у непосредственных участников психотравмирующих событий, но и у сторонних наблюдателей, которые с помощью СМИ становятся косвенными участниками произошедшего. Поскольку СМИ реалистично отражают происходящие события, люди вынуждены погружаться в них, что может привести к нежелательным последствиям. Группа психологов во главе с С. Н. Ениколоповым проводила исследование, направленное на изучение ПТСР на модели отраженного в СМИ стрессогенного события — телетрансляции с места захвата заложников в театральном центре на Дубровке. В результате было выявлено, что более 20% респондентов,

Говоря о негативных последствиях данного вида преступлений, напрямую связанных с деятельностью СМИ, особо следует отметить процесс легитимизации агрессии среди населения.

Люди, страдающие ПТСР, могут испытывать постоянное чувство страха, ужаса и беспомощности. У них наблюдается бессонница или кошмары, в которых они возвращаются в психотравмирующую ситуацию и переживают ее снова и снова. Люди с ПТСР начинают пренебрегать своим здоровьем. Постоянное напряжение приводит к различным физическим расстройствам, головным болям, гипертонии, язве. Начинаются проблемы не только со здоровьем, но и семьей, работой. В подобном состоянии отмечаются и попытки суицида.

Психологами выделяются определенные детерминанты, условия чрезвычайной ситуации, которые способствуют развитию ПТСР и тревожных расстройств: характер, природа террористического акта; близость к его эпицентру; наличие опыта подобных событий; социальное окружение и степень близости между жертвами. В этом плане выбор террористами для проведения террористических актов вагонов метро, вокзалов или супермаркетов объясняется не только наличием там большого скопления людей, но и тем,

наблюдавших трансляции с места событий, были подвержены ПТСР [1].

Результатом ПТСР могут стать депрессия, алкоголизм, раздражительность, повышенная агрессивность, отчужденность [2, 18, 19]. В качестве примера можно привести результаты психологического обследования, проведенного группой психологов во главе с Р. Панги через месяц после террористического акта в токийском метрополитене. В госпитале был обследован 641 человек, пострадавший от террористического акта. В итоге обследования были получены следующие данные: 32% испытывали страх перед метро, 29% — страдали бессонницей, 16% — непроизвольно многократно проигрывали в памяти произошедшее с ними в метро, 16% — страдали депрессией, 11% — стали легко возбудимыми и агрессивными, 10% — страдали от кошмаров и еще 10% стали раздражительными [15].

К отсроченным последствиям террористического акта относится и **страх**. В отношении терроризма речь идет о вполне конкретном страхе — страхе смерти [3, 11, 17]. Страх смерти

естественен и присутствует у каждого человека. Люди отрицают его наличие, но лишь до тех пор, пока сами не столкнутся со смертью. Для этого необязательно становиться непосредственной жертвой террористического акта. Первичными и наиболее глубинными причинами, вызывающими страх, являются боязнь физического повреждения и опасение за собственную жизнь. В данном случае речь идет о массовом страхе, транслятором которого часто выступают СМИ, передавая непроверенную, пугающую или основанную на слухах информацию. Это приводит к тому, что не проявлявшие себя глубинные страхи за свою жизнь просыпаются у каждого человека, начинается цепная реакция, порождающая массовые страхи. Такой массовый страх не просто ослепляет общество и делает его уязвимым. Он является причиной раздоров, в том числе и на религиозной и национальной почве. Людей пугает не столько сама возможность террористического акта, сколько непредсказуемость и неизвестность места и времени его совершения, анонимность преступников. Именно подобные механизмы и приводят к тому, что число психологических жертв террористического акта всегда во много раз превышает число физических жертв. В обществе активизируется цепная реакция на происшедшее в виде паники и страха смерти. А благодаря наличию СМИ эта реакция не встречает географических и физических преград на пути своего распространения [10, 17].

Современный терроризм имеет явную направленность на СМИ. Своей конечной целью террористы рассматривают не максимально возможное количество физических жертв и разрушений, а влияние на огромную аудиторию телезрителей и пользователей сети Интернет.

К психологическим последствиям, которые возникают непосредственно после террористического акта, относятся также **шок, паника, отрицание, чувство вины и ужас**. Паника — один из наиболее заметных типов поведения толпы, массы и одновременно это особое эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей

или непонятной ситуации, либо ее чрезмерного избытка и проявляющееся в стихийных импульсивных действиях. В общепринятом смысле под паникой понимается массовое паническое поведение, обусловленное ужасом. Вероятность развития массовых панических настроений и панических действий может резко возрасти в периоды обострения текущей ситуации. В частности, когда люди ожидают каких-то нерадостных событий. В таких случаях они становятся особо восприимчивыми к различным видам пугающей информации. Частым поводом для паники являются пугающие слухи, распространяемые, в том числе, и работниками СМИ в стремлении максимально быстро пустить в эфир сюжет о чрезвычайном происшествии. Естественно, подобная оперативность отрицательно влияет на общество. Панические настроения в массах усиливаются и закрепляются после того, как стимул, приведший к панике, повторяется или становится более интенсивным.

Выделяется несколько этапов развития панической реакции как последствия террористического акта.

Первый этап — резкий испуг, потрясение, ощущение неожиданности и шока. Человек воспринимает ситуацию как кризисную, угрожающую и безвыходную.

Второй этап — замешательство, в которое переходит потрясение, а также связанные с ним хаотичные попытки как-то понять, проинтерпретиро-

вать произошедшее событие в рамках своего прежнего, обычного личного опыта. С этим этапом связано чувство реальной, но необъяснимой угрозы, страха.

Третий этап — усиление интенсивности страха по психологическим механизмам «циркулярной реакции» и «эмоционального кружения» [5, 16]. Тогда страх одних людей передается

другим, а это, в свою очередь, усиливает страх первых. Усиливающийся страх стремительно снижает уверенность в способности противостоять критической ситуации и создает у большинства тревожное ощущение обреченности. Завершается этот этап неадекватными действиями, которые ошибочно представляются людям как спасительные и правильные. Например, агрессивное поведение в отношении других групп людей, отличных от общей массы своими национальными, религиозными взглядами. Паника — это возможная реакция людей на чрезвычайное происшествие. Массовая паника проявляется по-разному. В одних случаях люди начинают препятствовать работе спасателей и отказываются покидать место происшествия. Или начинают хаотично и без разбора принимать все имеющиеся в наличии лекарственные препараты, игнорируя их назначение и противопоказания. В толпе наблюдается полное отсутствие контроля людей над своими эмоциями и поведением [15].

Очевидно, что современный терроризм имеет явную направленность на СМИ. Своей конечной целью террористы рассматривают не максимально возможное количество физических жертв и разрушений, а влияние на огромную аудиторию телезрителей и пользователей сети Интернет. Этому есть несколько причин. Во-первых, освещение террористического акта в СМИ автоматически делает его общеизвестным и, как следствие, более заметным и значимым. Во-вторых, если рассматривать психолого-социальные последствия как приоритетную цель террористов, то достижение этой цели осуществляется именно через трансляцию террористического акта в СМИ, в частности — на телевидении.

Таким образом, последствия террористического акта распространяются на огромную аудиторию телезрителей, минуя географические и временные барьеры, тем самым увеличивая многократно количество жертв. Г. Маккормик в своей работе «*Terrorist Decision Making*» упоминает слова французского анархиста Леона Лехотье, который говорил, что динамит помогает борцам за свободу совершать более масштабные акции, а пресса — делать их более громкими. Вспомним также высказывание П. Кропоткина о том, что хорошо спланированная ак-

ция с привлечением прессы — более эффективный инструмент для провозглашения своей воли, нежели тысячи распространенных брошюр.

Современные террористы разделяют мнение своих предшественников [14]. Тот же Г. Маккормик в качестве одного из основных этапов планирования террористического акта выделяет активное участие СМИ в освещении акции, требование присутствия представителей СМИ, например, при захвате заложников. Повторное и детальное освещение террористического акта — залог увеличения количества жертв в разы. Результатом этого являются эскалация страха и чувства собственной незащищенности, национальная и религиозная нетерпимость, всплески агрессивного поведения среди населения. А также — популяризация террористов и их методов [8, 14].

Влияние СМИ на формировании психологических последствий терроризма чрезвычайно велико в силу наличия мощного потенциала воздействия на массы. Естественно, оно может быть как положительным, так и отрицательным. Непрофессиональное освещение событий способствует искажению информации, которая усиливает отрицательное эмоциональное состояние людей, повышает степень страха и паники, способствует легитимизации насилия. Конечно же, речь не идет о том, чтобы запретить трансляцию насилия, в частности — террористических актов, по ТВ. Проблема заключается в нахождении оптимальной формы подобной трансляции, которая будет способствовать минимизации отрицательных последствий, а не их развитию в обществе. Обмен информацией между правительственными структурами и населением (до террористического акта, в течение его и после) чрезвычайно важен. Людям необходимо подготовиться и практически и психологически к долговременной ситуации угрозы, научиться эффективно реагировать на возникшую опасность.

Немаловажной функцией СМИ является препятствие возникновению в обществе идеализированных представлений о террористах, устранение

слухов и мифов разного толка. Таким образом, вопросы, связанные с освещением террористических актов в СМИ, являются не праздными, а практически значимыми и актуальными. А для этого необходимо иметь представление о характеристиках и факторах, влияющих на эффективность выполнения поставленных перед СМИ задач [9].

Силовые акции ведут к устранению конкретного террористического акта, но могут способствовать эскалации активности терроризма в будущем, как ответной реакции со стороны определенных слоев общества. К таким же отрицательным последствиям могут привести и контртеррористические меры, связанные с ущемлением гражданских свобод населения.

Список литературы:

1. Ениколопов С.Н., Лебедев С.В., Бобосов Е.А. Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. — 2004. — Т. 25. — №6. — С. 73–81.
2. Тарабрина Н.В., Агарков В.А., Быховец Ю.В. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. — Ч. 1. Теория и методы. — М.: Когито-центр, 2007.
3. Arndt J., Goldenberg J.L. The worm at the core: A terror management perspective on the roots of psychological dysfunction // Department of psychological science. Applied and Preventive Psychology. — 2005. — 11 — Pp. 191–213.
4. Bandura A., Zimbardo P., Osofsky M. The role of moral disengagement in the execution process // Law and Human Behavior. — 2005. — Vol. 29. — №4.
5. Bandura A. The role of selective moral disengagement in terrorism and counterterrorism // In F.M. Moghaddam, A.J. Marsella. Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions Washington DS // American Psychological Association Press, 2004. — P. 121–150.
6. Bandura A. Social cognitive theory of mass communication // Media effects: advances and research. Hillsdale. — N.J.: Lawrence Erlbaum. — Chap. 6. — P. 121–153.
7. Bandura A. Moral disengagement in perpetration of inhumanities // Personality and Social Psychology Review, 1999. — P. 193–210.
8. Bruno S., Dominik R. Blood and ink! The common-interest-game between terrorists and the media // Institute for Empirical Research in Economics University of Zurich. — 2006. — №285, April.
9. Durodie B., Wesseley S. Resilience or panic: the public response to a terrorist attack // Lancet. — 2002.
10. Gillis J.W. Coping after terrorism // The handbook for US Department of Justice. — 2001. — September.
11. Goldenberg J. L., Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S. In the wake of 9/11: The psychology of terror.
12. Huddy L., Feldman S. The consequences of terrorism: Disentangling the effects of personal and national threat // Political Psychology.
13. McCauley C. Psychological issues in understanding terrorism and the response to terrorism. — University of Pennsylvania, 2001.
14. McCormick G.H. Terrorist decision making // Department of Defense Analysis, Naval Postgraduate School, Monterey, 2003.
15. Pangi R. After the attack: The psychological consequences of terrorism. — Электронный ресурс. — Режим доступа: www.esdp.org
16. Ryan A.M., West B. Effects of the terrorism attacks of 9.11.01 on employee attitudes // Journal of Applied Psychology. — 2003. — №4.
17. Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. Pride and prejudice: Fear of death and social behavior // Current directions in psychological science. American Psychological Society. — 2000. — Vol. 9. — №6.
18. Terry L., Bradley M. Understanding and preparing for the psychological consequences of terrorism // Emergency management: Public health and medical preparedness. — Section 8. — Chap. 44. — P. 689–701.
19. The impact of terrorism on brain and behavior // American College of Neuropsychopharmacology. — 2004. — 21 April.

Продолжение в следующем номере.